

Литературная газета

Воскресенье, 20 декабря 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 71 (634)

Учиться у Горького

Прошло полгода с того дня, как народы СССР и трудящиеся мира потянули навстречу великому русскому пролетарскому писателю Алексею Максимовичу Горькому. Вся жизнь этого человека была посвящена борьбе за создание таких условий человеческому существованию на земле, при которых человек может выпрямиться во весь свой гигантский рост, чтобы свободно жить, творить и работать.

Гигант художественной мысли, титанически работавший всю свою жизнь, Горький понимал, ощущал всем своим существом, как велика радость свободного творческого труда, как неотъемлемо право на труд у человека. Но для человеческого труда в мире капитализма были созданы нечеловеческие, поистине каторжные условия.

Больной, умирающий, Горький жалко и с радостью слушал огненные слова проекта великой хартии волеизъявления освобожденных народов — сталинской Конституции. Он не дождался до тех дней, когда приветственная лекция в Народном университете имени Горького была утверждена Президиумом VIII Всесоюзного съезда Советов.

Образы его великих творений, льющиеся народами освобожденной страны, эти образы трудящихся всего мира, будут жить века, войдут в сознание миллионов и миллионов людей. Максим Горький волею и переработкой лучшие традиции русской классической литературы и являлся вачшателем и родоначальником новой социалистической литературы.

Никто из крупных писателей нашей страны, говорил председатель Совнаркома СССР т. В. М. Молотов на траурном митинге в день похорон М. Горького, — да и в других странах не знал так близко жизнь «сыночка» народа при капитализме. Никто на них не пережил на себе само столько жестокостей и гнусностей со стороны господ-эксплуататоров. Никто из них даже просто не видел своих глав-

но столько замученных подневольным трудом и забитых иском капитала, как наш Горький, у которого все это вытекало непримиримость и революционную ненависть к капиталистическому строю и беззастенчивую веру в освободительную силу коммунизма.

Вот почему рабочие и все трудящиеся видят в Горьком себя, своего человека, свою жизнь — судьбу, свое будущее. Вот почему Горького так любили, любят и будут любить трудящиеся нашей страны и трудящиеся других стран.

Лучший выразитель социалистических устремлений трудящихся, великий мастер русского художественного слова, М. Горький, естественно, стал главой, руководителем не только социалистической литературы Союза СССР, но и мировой революционной литературы.

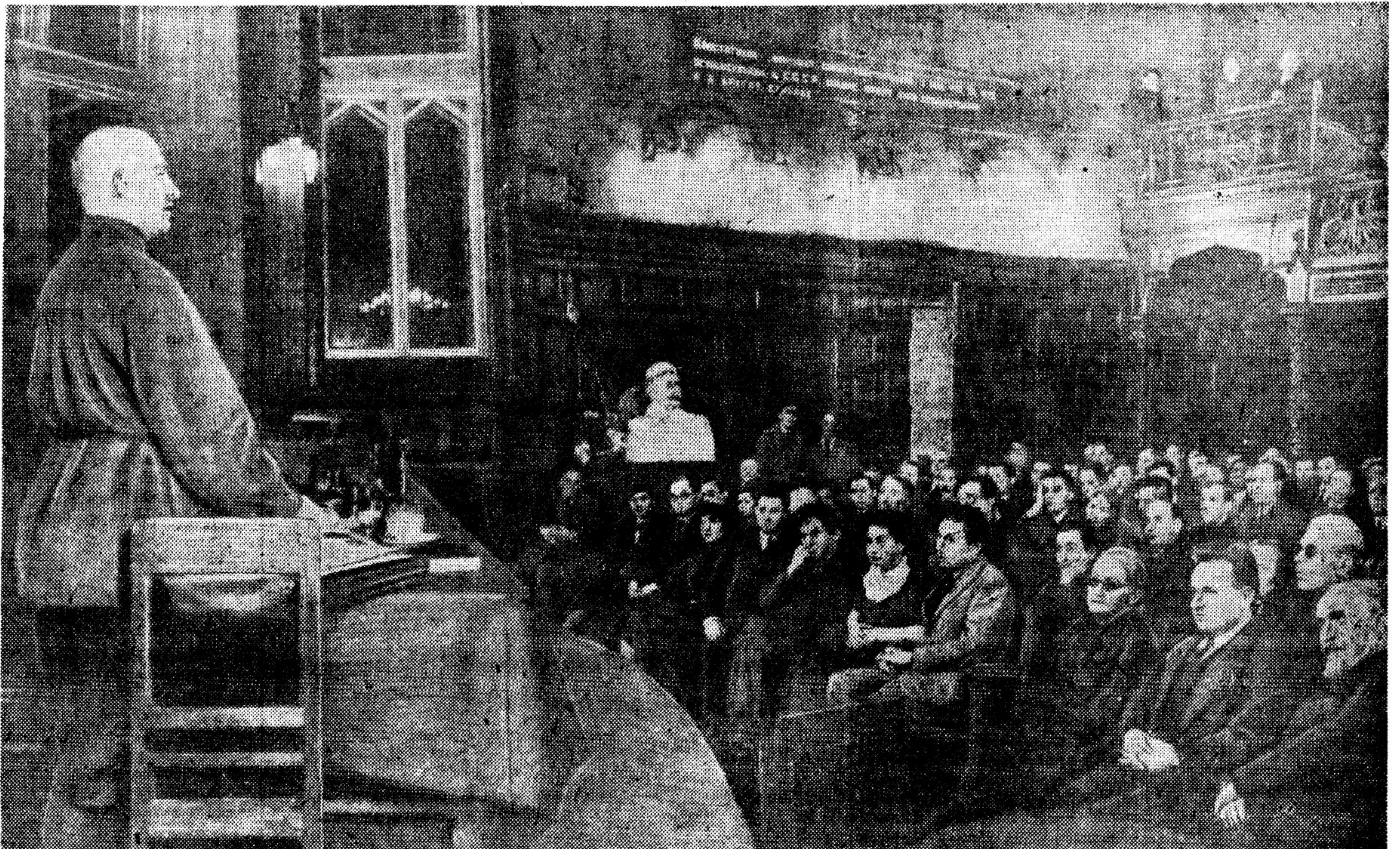
Непримиримый и бесстрашный боец, строгий к себе и требовательный к другим, немало сил положил он на дело создания подлинной социалистической советской литературы. В своих мудрых, правдивых и резких статьях о советской литературе, о литературной жизни Горький неустанно боролся за подлинного писателя эпохи социализма, за установление подлинно творческих отношений в среде советских литераторов.

Он клеймил халтурщиков, замаскированных врагов, беспощадно и резко критиковал отдельные ошибки и недостатки в творчестве крупнейших советских писателей. Он требовал разрывания подлинной критики и самокритики в литературной области. Уроки Горького, преподанные советской литературе и советским литераторам, далеко еще не в полной мере усвоены нами.

Новая вера в развитие советского социалистического демократизма, вступающая в действие сталинская Конституция обязывает нас, советских писателей, работать по-новому, отвечать тем нормам поведения гражданина социалистической страны, которые зафиксированы в сталинской Конституции.

Но в нашей среде еще живы отрицательные явления. Небольшой самокритике, остатке группировки, проносящаяся на страницах печати культура и мутная, серенькая литературная заваль — обо всем этом на недавнем общесоюзном собрании московских писателей правильно говорил т. Ставский. Без устранения этих недостатков мы не сможем поднять нашу литературу на уровень задач, поставленных перед нами эпохой.

Горький-писатель, Горький-руководитель советской литературы — наше знамя. В своей творческой работе советские писатели учатся у Горького мастерству, всеобъемлющей правдивости художественных образов, социалистическому реализму, нашшему наиболее яркое и полное раскрытие в произведениях Горького.

Выступление т. В. Ставского с отчетом о работе Чрезвычайного VIII Съезда Советов на общесоюзном собрании писателей 16 декабря

Конституция победившего социализма НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Из отчетного доклада Ставского, посвященного Чрезвычайному VIII Съезду Советов и выступлению в прениях писателей, рассказывавших о своих наблюдениях, вынесенных из поездок по стране (Ген. Фини, И. Нусинов), или о своем личном жизненном пути (З. Чалая, Рязанцев), обращавшихся для сопоставления с нашей действительностью к прошлому или к зарубежной жизни (Гасем Лахути, Маркович) — неизменно перед аудиторией возникали прекрасные образы героев социалистической стройки, образы людей, воспитанных возмужалой сталинской эпохой.

Эти люди — лучший капитал нашей революции, лучшие свидетели ее творческой, преобразующей мощи. Новые стимулы определяют отношение к труду в СССР, новыми стали мерла полезности, красоты, героизма, благородства. Не понять этого и не заметить могут только такие рафинированные сверхиндивидуалисты, как Андре Жид, о грязном и неумном павлике которого с негодованием говорили В. Стяжский и А. Фадеев.

Каждый оратор приводил новые и новые факты, давшие отчетливое представление о том, какой осязаемой реальностью является провозглашенные Конституцией права на отдых, на образование, на труд и т. д. Становится еще более понятной эта миллионы зарубившихся трудящихся Конституция, как документа исторического, международного, общечеловеческого. Неслучайно то обстоятельство, что множество иностранных рабочих, находящихся сейчас в СССР, ходатайствуют о принятии их в советское подданство. Настроения этих людей прекрасно выразил одиннадцать-летний в беседе с Ген. Финишем, сообщившим содержание этой беседы в своей речи на собрании писателей.

Я в Карелии не имею еще, может быть, тех удобств, которые дает американская цивилизация, — заявил этот лесоруб, — но я здесь обрел свою семью, которую ям, по условиям своей работы, не видел высше образования, в то время как я материально не в состоянии был бы дать им образование, превращающее курс четырехклассной школы. А ведь есть и ряд других преимуществ, связанных с таким положением, как личное достоинство человека.

В докладе В. Ставского и в речах писателей, выступивших в прениях, была дана уничтожающая оценка буржуазных конституций, лицемерных провозглашений, узаконивших призрачные и прикрывавших реальную суть фактов, фразы. Старый мир будет перестроен.

На собрании ленинградских писателей, посвященном великому Съезду сталинской Конституции, выступили А. Макаренко, ответственный секретарь ленинградского союза советских писателей В. Беспаяннов, Ю. Либенштейн.

Поэт Д. Высокский поднялся на трибуну с папкой испанских газет и журналов. Это — последняя почта, полученная им от революционных писателей Испании. Мы видим текст таинственный на испанском языке текст сталинской Конституции, на которую, как на знамя всего передового человечества, обращены взоры мужественных бойцов за свободную Испанию.

отмечает один чрезвычайно показателный факт. Вожди советского народа очень часто пользуются в своих выступлениях примерами из художественной литературы, очень часто привлекают к помощи образы мировой классики. Но фигурировали ли когда-нибудь в их речах образы советской литературы? Трудно вызвать в памяти подобный случай. Не говоря ли это о том, что уровень нашей художественной литературы оставляет еще желать лучшего.

Поднять этот уровень можно лишь путем самого строгого повышения требовательности к себе, путем осуществления в литературной среде самой последовательной и резкой самокритики. Далеко не все писатели

усвоили эту простую истину. Кто-то из них даже претендует на какое-то особое право, действительнее сделать их неприкосновенными для критики.

Такое положение абсолютно нетерпимо, оно ни в какой степени несовместимо с принципами социалистического общества, о которых с искренней полнотой говорит Конституция.

Вот почему аудитория с большим одобрением приняла те заслуженные и четкие формулировки, которые вынес В. Ставский для определения ближайших задач литературного движения, для разоблачения мелкобуржуазных пережитков в сознании некоторых крупных литераторов. Прямо и решительно, без малейшей недоговоренности называя Ставский вещи своими именами, прямо и решительно говорил о явлениях, тормозящих развитие советской литературы, и о людях, имеющих превратное, понатое о принципах советской самкритики, об этике писателя социалистической страны.

Собравшаяся аудитория надеялась, что впечатлениями о Чрезвычайном VIII Съезде Советов посетит также писатели В. Иванов и В. Киришон. Но все ожидания были напрасны: тт. Иванов и Киришон даже не присутствовали на московском собрании писателей.

ДОКЛАД В. П. СТАВСКОГО о Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ ЧЛЕНОВ ССР СССР 16 ДЕКАБРЯ 1936 г.

Дни Всесоюзного Съезда Советов войдут в историю человечества, как дата величайшего торжества демократии, торжества дела Ленина—Сталина, торжества победоносного строительства социализма. Съезд утвердил сталинскую Конституцию, которую можно сравнить с ослепительной вершиной, откуда видно все наше прошлое, все борьба за социализм, откуда открываются новые горизонты для всего человечества.

Съезд явился выражением монолитности и дружбы всех народов Советского Союза, их безраздельной преданности своей партии Ленина—Сталина и тому, что ими является символом побед социализма. Когда товарищ Сталин появился в прениях — простой, мудрый, великий, — наоборот ему поднимались шторм овации. К нему устремлялись сердца миллионов трудящихся нашей страны, приветствовались своего великого вождя, гениального создателя Конституции.

Далее тов. Ставский подробно останавливается на докладе товарища Сталина, вскрывшем глубочайший смысл Конституции и огромные изменения, которые произошли в экономике и в социальной структуре нашей страны. Он говорит о том, что победы социализма — это результат руководства партии Ленина — Сталина, ведущей партии Советского Союза к коммунизму. Под руководством партии, во великого вождя тов. Сталина одержаны величайшие победы, развиты все отрасли промышленности, развиты все отрасли сельского хозяйства.

Народы нашего Союза послали своих представителей на Чрезвычайный VIII Съезд Советов для того, чтобы выразить единство свое с партией, выразить преданность нашей партии и ее гениальному вождю товарищу Сталину.

С презрением вспоминали мы о тех людях, которые были в партии, но которые боролись против партии. Мы не можем забыть о всех атаках, которые велись на партию алейшими врагами трудящихся. Часть из них по приговору пролетарского суда, по приговору, который выразил мнение миллионов трудящихся нашей страны — уничтожена. Но остатки их продолжают свою гнусную деятельность. Речь идет о врагах, которые в союзе с фашистами, сами являясь агентами фашизма, получали от алейшего врага трудящихся масс Троцкого задание — всячески вредить нам, уничтожать рабочих-станковцев, как это было в Кермеве и других местах. Нет предела позлости этих людей и нет предела пагубности этих людей. Партия при поддержке рабочих, масс зато с крушением и отпором, разгромила подлейших врагов народа.

Нужна бдительность и близость. Нужно помнить и следить за тем, чтобы каждый был бдительным. Возьмите такие простые вещи, как разговоры о вооружении республик, разговоры о мощи республик. Бьетесь мы на каждом перекрестке. И эту бдительность никак нельзя сочетать с ушами товарища Сталина о революционной бдительности. На-

шеей болтунье пользуется классовый враг, провожающий в наши ряды, вредный нам.

Товарищи. Съезд проводила вся страна. На нем выступали также представители культурного фронта и советской литературы.

Интерес к литературе у нас огромный. Писателей наших любят и если их и ругают порой, то делают это потому, что хотят получить от них лучшие книги, которые еще ярче отражали бы великие дела нашей страны. Но мы не могли сообщить Съезду, что наша литература работает на «отлично». Когда сравнивали положение в литературе с положением в стране, то особенно радостно была литература не приходится. Нам пора по-хозяйски разбраться на нашем литературном участке, чтобы сказать, что отстает, а кто не отстает.

Нужно подумать и решить, что сделать для того, чтобы идти вровень с передовыми людьми нашей страны. А. Н. Толстой предложил, как решение — систему творческих группировок. Я с этим не согласен. Творческой работы наших писателей никто ничем не стесняет. Не творческих группировок хватает некоторым писателям, а критики и самокритики, ответственности за свою работу. А. Н. Толстой говорил далее, что как бывает случай чрезмерного захлывания молодых писателей. Нужно подумать о том, чтобы сделать молодых авторов олугой, чтобы они не забывали, что это явление. Я бы не сказал, что это явление. А. Н. Толстой блещет познаний. Его высказал пять лет назад А. М. Горький. Урок, который дал нам Горький, не прошел даром, и за эти годы уже не было чрезмерного захлывания, какое было раньше. Но вот А. Н. Толстого можно упрекнуть в том, что его непосредственное участие в истории с переизданием «Нафта» вооружило автора этого романа — Савина — настолько, что тот явился в союз и заявил: «Все равно «Нафта» будет переиздана». Вот к чему приводит паде «группировка», хотя она и не оформлена.

Выступление «Правды» со статьей «Захлывания с переизданиями» я считаю правильным.

Напомню еще статью нашей Конституции, которая говорит относительно того, что каждый гражданин обязан уважать правила социалистического общества. А какое же это уважение правил социалистического общества — печатание произведений, которые и произведениями, которые для литературы обидно. Я имею в виду «Нафта» и некоторые другие произведения.

Очень туго у нас с самокритикой. Вы помните, с каким желанием помогал В. Пильняку правилу союза писателей заступал и обидел его творческий отчет. В первые дни после этого

заседания Б. Пильняка, что называется «не сдавался». А затем еще через некоторое время прислал секретариату союза советских писателей письмо, в котором он заявляет, что «никакого противоставления союзу и тем товарищам, которые выступили 25 октября, у меня нет». После этого заседания он решил работать «Поэзия моя», — пишет Б. Пильняк, — естественно, перестроены и я хочу не писать так, чтобы произведения мои объективно походили на халтурную работу».

Таким образом, мы получили запоздалое, но все же признание Б. Пильняка, что он давал халтурные произведения. Дальше он пишет, чтобы ему помогали. Мы хотим, чтобы он работал и мы ему всячески поможем. Письмо Б. Пильняка свидетельствует, что какое-то движение у него есть, писатель признает свои ошибки, хочет от них освободиться. На этой основе, на основе уважения нашего читателя и бесприданной самокритики создается почва для дальнейшей совместной работы.

Теперь нужно сказать о тех товарищах, которые до сих пор думают, что мнение нашей общественности для них, корифеев, не обязательно. Они стоят в нашей действительности «особняком», позволяют себе то, с чем нельзя примириться. Я имею в виду факты поведения В. Пастернака. Когда мы обсуждали творческий отчет В. Пильняка, после чего с деловым бы признанием правильности мнения нашей общественности, Б. Пастернак в заседании президиума не нашел ничего другого, кроме зубоскальства над Б. Пильняком: я говорил тебе, не советовать людям ходить вот так и говорить. А что имеет В. Пастернак сегодня, что он публикует по явному несогласию редакции, в десятой книге «Нового мира»? Он печатает так стих, в которых клеветает на советский народ, заявляет: «Он, как свое изъятие, кладет под дождь твои мечты и дела».

Нельзя без возмущения читать эти строки и говорить о них. На эту тему приводить других строчек этого поэта, которого некоторые люди, в частности Бухарин на съезде советских писателей, провозглашали чуть ли не вершиной социалистической поэзии. Но что тут поэтского? И почему мы молчим?

Борис Пастернак в своих кулуарных разговорах доходит до того, что выражает солидарность свою даже с явной полостью клеветой из-за рубежа на нашу общественную жизнь.

Голоса: Позор!

Как можно серьезно говорить о том, что мы справимся с задачами, поставленными перед союзом советских писателей, если у нас есть такие люди, а также люди, которые принимают их всерьез.

Вопросы эти надо обязательно обсуждать, нашей писательской общественности необходимо высказаться.

Дальше. Как можно всерьез бороться за нашу социалистическую литературу, когда мы наблюдаем в на-

шей среде особенно яркие капиталистические пережитки: зависть, завидство, нежелание участвовать в общественной жизни, нежелание учиться. Есть еще такие писатели, которые являются носителями всех этих отрицательных явлений. И есть люди, которые говорят одно, а делают другое.

Я должен сказать, а величайшему огорчению, что таким людям уподобился и один из ведущих работников журнала «Красная новь» т. Ермилов, который выступил с ортодоксальными речами, а сам пахнул в десятой книге журнала роман «Дважды камень» Э. Давыдова, роман политически ошибочный, — в угоду польским магантам!

Совершенно необходимо раскрыть и «Богатыри» Д. Белого, который, кстати, почему-то до сих пор не обьявил писательской общественности своего взгляда на критику «Богатырей».

Какие же тут уважение правил социалистического общества? Но было бы ошибкой все эти пошлости и недостатки распространять на всех наших литераторов. Было бы жесточайшей ошибкой говорить о том, что в подавляющем большинстве наши литераторы больны этими болезнями. Есть все основания говорить, что основная масса советских писателей хочет работать по-настоящему. Мы кое-кому уже помогли на деле и должны погоропотеть о этом делом. Заползли мы, например, в организацию критиков. Скорее надо их организовать, чтобы упорядочить и это наше хозяйство.

Незастенчиво обидел критику молодых писателей, которые дают произведения полезные и нужные, которые не отстают от жизни. Такие, как Крайков, Опшаров, Герман, Чуринов, П. Максимов с Северного Кавказа, Арсанов, Баргов, Твардовский и Г. Фущин.

Нужно упомянуть о работе многих товарищей, работающих в редакции «Литературной пятнички», в частности об Андрее Плыванове.

Когда оглядываем нашу литературу, когда пресматриваемся к работе писателей, то видим, что есть порох в пороховницах.

Основные кадры советских писателей — это кадры здоровые, работающие, желающие, чтобы издательства и союз им больше помогли. Вместе с нашей партией и знающими людьми страны они хотят бороться за осуществление указаний товарища Сталина, бороться художественным словом.

Но наше хозяйство еще не в полном порядке.

Мало говорить о значении Съезда, о значении Конституции, а надо посмотреть, в какой степени работа соответствует этому величайшему Съезду.

Первое и основное, что мы должны помнить, — это указание товарища Сталина, что теми мы не выживаем писателями, не принуждаем писателя — идти о колхозах, или о Магнитогорске. Но в то же время мы должны сказать нашим товарищам: ближе к жизни, больше активности в жизни, в изобретениях призывом нашей социалистической действительности.

Необходимы перспективные раскрытые сталинская Конституция перед каждым советским писателем. В этой Конституции встает новый человек, волевой, беззастенчивый, деловой рабочий класса, человек нашей эпохи, с полным правом заявляющий: «Государство — это я». Новая социалистическая мораль, новый характер человека выплывают на страницах сталинской Конституции. Писатели должны проникнуть в ее величайший смысл. Нельзя без гордости и счастья повторить сталинские слова о том, что Конституция укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу за завоевания новых побед коммунизма. Товарищи литераторы! В нашей стране писателю предоставляется все для страстной творческой работы. Последнее же примером знатных людей нашей страны, пойдя вместе с нами под знаменем Сталина вперед, к новым победам! (Бурные аплодисменты).

Незабываемые дни

От нашего ленинградского корреспондента

Срели избранных народов СССР, утвердивших сталинскую Конституцию, были два ленинградских писателя — Алексей Толстой и Николай Тихонов. Отчеты писателей-делегатов Чрезвычайного VIII Съезда в Доме писателя им. Маяковского собрали не только литераторов, но и читателей — статывцов, командиров и красноармейцев, краснофлотцев, вузовцев.

Я засел в Кремлевском дворце вместе с другими делегатами Съезда, — говорит Н. Тихонов. — Но во мне было еще особое чувство писателя.

На Съезде были люди, с биографиями которых трудно оставаться писателем: они построили заводы, «я прорыл канал, «я перелетел из Москвы в Хабаровск». Эти люди заглядывали в себя историю нашей эпохи, нашей страны. Ярко рисует Н. Тихонов образ товарища Сталина, выступавшего докладом на Съезде. Хотелось увидеть каждую интонацию, каждый жест величайшего вождя народа, потому что каждое слово и каждый жест были поистине историческими.

Интересна и образная была речь Алексея Толстого.

— Когда мы восходим на какую-нибудь вершину, когда мы восходим на гору шаг за шагом, часто не чувствуем мы огромной высоты, на которую поднимаемся. Так шаг за шагом мы прошли девятнадцать лет. И не всегда еще мы охватываем все, что достигнуто нами, что воплощено, записано сейчас в сталинской Конституции. Для того, чтобы понять все величие достигнутого нами, мы должны охватить в одном масштабе всю жизнь, все, что происходит не только у нас, но и за нашими рубежами.

Накануне Чрезвычайного Съезда А. Н. Толстой вернулся из продолжительного путешествия по многим странам Европы. Он подводит итог своим путевым впечатлениям.

— Европа сейчас в смятении, унынии, растерянности. Она с ужасом ожидает войны и уверена в грядущей катастрофе. Взоры всех устремлены на СССР, на то, что происходит в нашей стране. И я должен заявить, что мы, писатели, даем еще очень много материала, по которому западные читатели познавали бы нашу страну и наши завоевания.

Мне кажется странным, когда иные писатели не находят темы для материала для своих книг. Кажется, советскому писателю надо понять, что перед ним открывается прекрасная аудитория: весь мир. Зарубежный читатель ищет в его книгах выхода из тупика, он спрашивает у советского писателя, как ему строить жизнь, чтобы выйти из хаоса и ужаса.

А. Н. Толстой приводит отрывки из французских журналов, описывающих

В. РЕСТ.

Замечательное ПИСЬМО

По мере приближения столетней годовщины со дня смерти великого поэта, основателя русской литературы, создателя русского литературного языка, борца за свободу и разум, Александра Сергеевича Пушкина по всей нашей стране все шире развертывается подготовка к юбилею.

Письмо тт. Межова и Григорук свидетельствует еще о том исключительном, небывалом, возможном только в нашей стране, отношении между массами и вождями, о той любви, о том огромном взаимном доверии между массами и руководителями партии и правительства, которое наглядно демонстрирует 'неразрывную связь и единство рабочих и крестьян с выдвинутым ими руководством страны.

На заводах и фабриках проходят читки пушкинских произведений, пушкинские концерты, конференции, посвященные творчеству поэта. Пушкинские читки и вечера организуются в колхозах, громадная работа ведется в Красной армии, в вузах и школах.

Трудно перечислить все формы пропаганды и научения его поэзии. Здесь и выставки, и конкурсы на 'лучшую читку произведений', и выпуск специальных стенограмм, особые спектакли и концерты, конкурсы рисунков на пушкинские темы. Мы уже не говорим о той огромной работе, которая проводится в районной, областной и центральной печати, в журналах, издательствах, выпускающих произведения Пушкина на множестве языков народов СССР.

Рабочий класс и крестьянство — единственные и достойные наследники мировой культуры, которую они развивают и укрепляют и обеспечивают ей невиданный никогда расцвет.

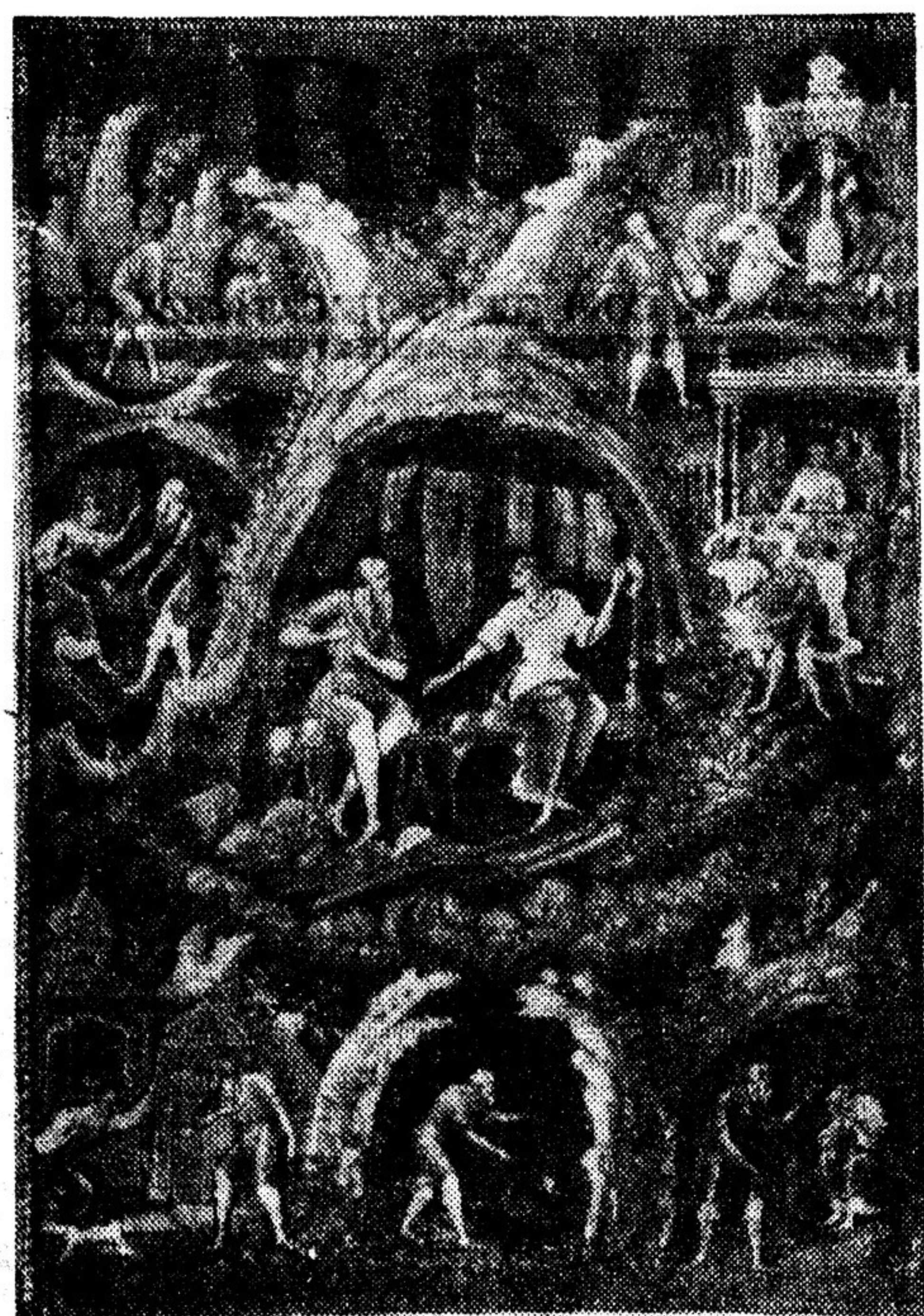
Печатаемый нами ответ на вопросы, поданные в письме тт. Межова и Григорук, объясняет, что внесенные в текст изменения представляются совсем не искажениями, а результаты новейших текстологических работ. Это не означает, однако, что в области пушкиноведения все обстоит благополучно. Не далее как 16 декабря в 'Правде' была опубликована статья т. А. Гурштейна 'Слепые пушкинские', в которой явствует, что некоторые варианты пушкинских стихов, как раз свидетельствующие о подлинных революционных взглядах поэта, варианты и строки, при жизни Пушкина не публиковались по цензурным условиям, вносятся нашими пушкинистами не в основной текст, а в комментарии и примечания, а при массовом издании, в котором примечания обычно отсутствуют, эти варианты выпадают совсем.

Мы не имея возможности лично произвести проверку, они обратились к председателю Совнаркома СССР тов. В.М. Молотову с просьбой 'стеснитесь за А. С. Пушкина'. Творчество Пушкина, необходимостью издания его стихов без всяких искажений были правильно оценены тт. Межовым и Григорук как дело государственной важности, общенародного значения.

Где еще, в какой стране можно найти такой культурный уровень трудящихся масс, такую заботу о культурном наследстве своего народа и всего человечества! Письмо это свидетельствует об огромном распространении социалистической культуры в массах, о новом типе культуры, неизвестном в капиталистических странах ни прежде, ни тем более теперь, когда страны фашизма далеко превзошли выдалов и гуново в своей разрушительной работе. Они, подавляя свой и другие народы, уничтожая в своей стране ценности мировой культуры и вторгаясь в Испанию, заливают ее потоками крови, превращают в руины величайшие сокровища живописи и скульптуры. Фашизм обещает воздать миру в времена мрачного средневековья.

Если в данном случае искажения не произошло, то все же есть много примеров, когда такого рода опасения оправдывались вполне. Да и в рассматриваемом издании разве нельзя было тщательно оговорить в предисловии или иным порядком изменения, внесенные в текст, и их мотивировку. Все это требует от наших пушкинских исследователей улучшения их работы по редактированию изданий Пушкина и широкого разъяснения тех принципов, которыми они руководились, внося те или иные тексты, изменения или отбрасывая их. Миллионы трудящихся любят Пушкина, читают Пушкина, следят за новыми открытиями пушкинских текстов, и чувства на себе миллионы глаз, пушкинские должны работать четко и безупречно.

Работать плохо им нельзя, работать плохо им не позволяет страна, которая чтит память и творчество великого поэта, гениального сына могущественного народа.

Поэзия выпускает книгу 'Пушкин в искусстве Палеха' с репродукциями работ палехских мастеров на темы пушкинских произведений. На снимке — иллюстрация к 'Сказке о рыбаке и рыбке'.

Письмо тт. А. Межова и О. Григорук председателю СНК СССР тов. МОЛОТОВУ

Уважаемый Вячеслав Михайлович! Мы вынуждены обратиться к Вам с несколько странным делом. Мы просим Вас выступить за А. С. Пушкина. Дело в том, что недавно в односторонние избранные произведения А. С. Пушкина, изданные Гослитиздатом в 1936 году, мы натолкнулись на некоторые искажения в тексте. Например, в известном послании 'К Чаадаеву' первые строки напечатаны так:

Любовь, надежды, ТИХОЙ славы
Не долго тышил нас обман.
Исчезли концы забавы,
Как сон, как утренний туман.

Мы сплести эти строки с более ранними изданиями и всюду нашли, что должно быть не 'тихой славы', а 'гордой славы', не 'сон', а 'дым'. В этом же послании, в конце вместо 'ЗАРЯ пленительного счастья' напечатано 'ЗВЕЗДА пленительного счастья'.

Некоторые искажения есть и в стихотворении 'Анчар'. Мы не пушкинисты и не можем установить, какое из изданий правильное, так же, как не можем подсчитать все количество допущенных в том или другом случае искажений. Но для нас ясно, что искажения есть, и что их быть не должно.

Мы не анали, куда обратились для того, чтобы исправить все эти погрешности, и поэтому написали Вам, надеясь, что Вы поручите авторитетным лицам исследовать эти факты. Наш адрес — Сталино (Донбасс), Новый поселок, Путиловского ул. № 14.

А. Г. МЕЖОВ,
О. В. ГРИГОРУК.

В МОСКОВСКОМ ПУШКИНСКОМ КОМИТЕТЕ

15 декабря под председательством т. Н. А. Филатова — председателя Московского областного Пушкинского комитета — состоялось заседание Московского областного Пушкинского комитета, на котором был обсужден предварительный план подготовки к пушкинским дням.

Принято решение о восстановлении и реставрации домов, в которых жил А. С. Пушкин, и об обновлении памятников поэту в Московской области. В частности решено восстановить школу в 'пушкинском селе' Ярославля, реставрировать памятник А. С. Пушкину в Архангельском, восстановить фасад дома № 53 на Арбате и т. д.

Все московские области и городские театры, кино, клубы и управления по радиообластной областью в

декабрьский срок подготовит и представит на утверждение программы, посвященные пушкинским дням.

Комитет принял также решение: искаженный текст на памятник А. С. Пушкину в Москве:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Черновик стихотворения В. В. Маяковского 'Владимир Ильич'

Стихотворение Маяковского 'Владимир Ильич' впервые было напечатано 5 ноября 1922 г. в утреннем выпуске 'Красной газеты' (Петроград). Это было первое стихотворение Маяковского, посвященное Владимиру Ильичу Ленину. Оно несколько раз потом перепечатывалось в сборниках стихов Маяковского и в хрестоматиях и вошло в его первое собрание сочинений. Во II томе полного собрания сочинений Маяковского, вышедшем в этом году, стихотворение отнесено, по времени его написания, к 1922 году, поскольку не было никаких более точных дат его написания.

Только совсем недавно найден черновик этого стихотворения, позволяющий точно установить дату и — что очень интересно — конкретный повод его написания.

Черновик записан в перманентной записной книжке вместе с первыми набросками трех антифашистских и первомайских агитпесенок Маяковского, написанных, как известно, в марте-апреле 1920 г. ('А что если? Первомайские грезы в буржуазном кресле', 'Маяк по полю, кои не признают праздник твой', 'Кто как праздник празднует?') на этот счет замечания разные). Нахождение этого черновика в записной книжке 1920 года, т. е. с достаточным основанием отодвигает дату написания на два года раньше. Трудно допустить, что Маяковский в 1922 году написал бы стихотворение в старой записной книжке более, чем двухлетней давности. Но дата окончательно уточняется из самого текста стихотворения — это апрель 1920 г., когда Владимиру Ильичу Ленину исполнилось 50 лет. Строки. И это не стихов веру

Каждый вопрос прост.
И выявились
два
в хаосе
мира
во весь рост.
Один —
жизнотиче на животиче.
Другой —
непреложно скамистый —
взвил в миллионы тыщи
И встал
горой мускулистой.
Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем,
кого мети!
И мои аналит —
чьими
трупами
вырос
Ленин
огромной колодой.
И земля
себя за оол.

обматывать юбиляра уют
определенно указывают на событие, в связи с которым возникло стихотворение.
В 1922 году, когда Маяковский напечатал это стихотворение, конкретный повод — юбилей уже прошел, и он изменил эту строку:
...обматывать высоким уют.
Интересно также одно небольшое исправление, подчеркивавшее роль Ленина как вождя мирового пролетариата. Сначала было:
Металось
во все стороны
России безголовое тело.
Затем тут же исправлено:
мира безголовое тело.
Здесь мы печатаем все стихотворение целиком по черновику так, как оно было написано в апреле 1920 г.
В. И.

Владимир Ильич

Крыть смертельным дождем.
Пожарами земля дымя,
ведь,
где народ непоплен,
вырывается
бомбой
ими:
Ленин!
Ленин!
Ленин!
И это —
не стихов веру
обматывать юбиляра уют.
Я
в Ленине
мира веру
сплавлю
и веру мою.
Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пад —
в аэредах пятиконечных небо
бездельного свода РПН.
В. МАЯКОВСКИЙ.

Багдадские небеса

Владимиру Маяковскому.
Я в долгу
Перед Бродвейской лампочкой.
Перед Вами,
Багдадские небеса,
Перед Красной Армией,
Перед вышними Яношии,
Перед всем,
Просто что
Не успею написать.
В. Маяковский 'Разговор с фининспектором'.
Много не сделано — вижу вобщем
Долг у нас общий и нужен возврат.
Мне вспоминается днем и ночью
Синее небо твоих Багдад.
В дугу нам несут могучая вет.
Буваю шерсть шевеля на опиле.
Кто ее силой вполне овладеет?
Кто ее меру постигнет вполне?

Тициан Табидзе
Вновь захотел напомнить тебе я
Тихих Багдад, кольбахууу лесень.
Ныче аэра. А апрель умеет
В облаке яблонь душу ущелье.
Матери ртом я губами младенца
Лопнул бутон над бутонем. Во тьме
Смылилась яблоня. Нукуда деться.
Слушай — олеги кричат в Сайрае.
Дубом огромным средь чаши Багдадской
Ты бы в апрельское утро возник,
Вновь дилижанса эвонок дожидать
Вышел бы школьник с сумкою книг.
Снов с тобою, над партией склонен
— чьям.
Голые ноги я ставлю радком.
Виселица царя Соломона
Пятистолетний платан за оплом
В небо ушел, окунаясь в грозы
Ночью несокрушимым столбом.
Катит Рион обломки утеса,
Мя, словно рыбы, плещемся в нем.
Нас ожалит, от полого сердца
Птицы смитит, и кричат весна
... Снова доносится новых маршальцев
Песня, как буря, неваля и грозна.
В бесшумном свисте налетев казачьи
Вновь Алханов рубит сплеча,
... Митинг за митингом! Стачка за
Смерть и пролетарие печалом!

Клятву грозней, чем обет Ганнибала,
Сталин над гробом друга дает!
... Многие, многие вспомнить бы надо,
Радушной стих упадет за леса.
Все языкком трехязычных радуг
Скажут Багдадские небеса.
Сталин, отец народов свободных
Следал почти. Он миру распыл
Все, что созрело в сердце народном,
И миллионы сердец окрылил.
Дал он всеобщей груднице. Следом
Мы, подымая оружие, идем,
Но и с могучим даром поэты
Все же в долгу перед нашим вождем.
В Грузии яблоня выросли томе
Видишь, как омева твои велика!
В бой они выйдут, не ведая дрожа,
Если к нам сунется рило врага.
Ты нам не должен. И рабы Багдада,
Что к грозной лире твои — олеги
Нажреко прикрутили когда-то
Повсюду по-гурузински струну.
... Снова по тихим Багдадам повеет
Петья здесь кодыбная песня.
Ныче апрель. А апрель умеет
В облаке яблонь душу ущелье.
Матери грудью я ртом ребенка
Лопнул бутон над бутонем. Во тьме
Смылилась яблоня... Слушай, как
звонко.
Ныче олеги кричат в Сайрае.
Перевел с грузинского
ВЛАДИМИР ДЕРЖАВИН.
На похоронах одного из первых
большевиков Грузии А. Цудукидзе в
1905 году тов. Сталин произнес историческую речь.

Работа над текстами А. С. Пушкина

Вопрос, поставленный в письме тт. А. Г. Межова и О. В. Григорук (Сталино, Донбасс), присланном 12 декабря председателю Совета народных комиссаров Союза ССР т. В. М. Молотову, имеет очень важное значение.

Материал, предоставленный редакцией проф. М. А. Цивлевским, дает возможность осветить историю пушкинских текстов, о которых идет речь в письме товарищей-донбассовцев.

Знаменитое послание Пушкина 'К Чаадаеву' выразило о необыкновенной силой идеи лучших людей своего времени.

Любовь, надежды, тихой славы
Недолго неждана нам обман,
Исчезли концы забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желание,
Год гнетом власти роковой
Негетерельной душой
Отчизны выемлем прешьявья.
Мы ждем с томлением упования
Минуты вольности святой.
Как жжет объеденный молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободен горю,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Уже это одно дает основание считать именно этот вариант правильным. Но об этом подробнее ниже. Между тем Гербель в издании стихотворений Пушкина 1861 г. (в Берлине), не поняв смысла слова 'тихой', заменил его словом 'гордой'. Эта неудачная конектура Гербеля, к сожалению, была принята многими редакторами.

Из этих списков в настоящее время в государственных архивах Москвы и Ленинграда сохранились заслуживающие внимания до двадцати или около того рукописей, и в той или иной мере дают текст искажений. Большинство стихов имеют разночтения, иногда многочисленные. Так, например, стих 'Звезда пленительного счастья' читается и 'Звезда таинственного счастья', и 'Звезда желаемого счастья', и 'Звезда нического счастья', и 'Звезда желаннейшего счастья', и 'Звезда пленительного счастья'. Поскольку списки были копии, можно ожидать, что более старые из них дают текст более близкий к подлиннику, почему и к нему и нужно предпочесть списки позднейшие. Впервые полностью послание было напечатано за границей, в Лондоне, Гершелем в его 'Полярной звезде на 1866 год'. По каким спискам оно было напечатано здесь, а затем и другими публикаторами за границей и в России, остается неизвестным. Текст доведшегося до нас списка, о котором упоминал Пушкин, имеет немало разночтений. Конечное, значительная доля этих разночтений объясняется тем, что основу текста составляли разные списки; иные же разночтения являлись конектурами, т. е. исправлениями текста редактором, сделанными по догадке, на свой риск. Такой 'конектурой' является

замена в первом стихе слова 'тихой' словом 'гордой'. Решительно во всех известных нам списках первый стих читается:
Любовь, надежды, тихой славы.
Уже это одно дает основание считать именно этот вариант правильным. Но об этом подробнее ниже. Между тем Гербель в издании стихотворений Пушкина 1861 г. (в Берлине), не поняв смысла слова 'тихой', заменил его словом 'гордой'. Эта неудачная конектура Гербеля, к сожалению, была принята многими редакторами. Изучение списков стихотворения в свое время привело проф. Цивлевского к заключению, что самым ранним из них является список, хранящийся в Публичной библиотеке РСФСР в Ленинграде, в бумагах историка Н. К. Шильдера. Список этот на бумаге с водяным знаком (1813) представляет собою копию с текста в чьем-то письме, переписанном в секретной посылке. По этой копии послание и было проф. Цивлевским напечатано в трех изданиях полного собрания сочинений Пушкина, вышедших Гослитиздатом в 1930—1934 гг. Но в 1935 году в Пушкинском доме Академии наук СССР были выявлены листы разрозненных тетрадей со стихотворениями Пушкина, Тютчева и других поэтов, составленной в начале 1820-х годов и принадлежавшей Алексею Васильевичу Шереметеву, знакомому поэту в Соколинском имении. В тетради нет стихотворения, можно признать Пушкинское, и ряд текстов свидетельствует о том, что подлинники, с которых списывались Шереметевым стихотворения, полученные были им или от своего поэта, то ли из его близких. Все это заставляет проф. Цивлевского предпочесть копии Шереметева копии, хранящиеся в бумагах Шильдера, и по ней напечатать текст послания в последующих изданиях полного собрания сочинений Пушкина. Что касается указанного в письме тт. А. Г. Межова и О. В. Григорук отрывочного, изданного в 1936 году Гослитиздатом под редакцией В. Томашевского, то в этом издании (как и в пяти изданиях, предшествовавших ему) текст напечатан по 'Полярной звезде' Гершеля с введенным конектурой (горат еще желанье, вместо 'горит еще желанье', 'Минуту' вместо 'Минуты' и 'Звезда' вместо 'Заря'). Таково происхождение текстов послания в советских изданиях собрания сочинений Пушкина.

(По поводу письма товарищей Межова и Григорук)

Какой был подлинный текст стихотворения, неизвестно. Таким образом, задача редакторов — дать читателям текст, наиболее близкий к этому неизвестному искомому подлиннику. Какого же качества текст, даваемый в названных изданиях последних семи лет? Можно ли признать выражение 'гордой славы' более правильным, чем выражение 'тихой славы'? Как уже сказано, последнее выражение имеется во всех известных списках. Так же было и в списке, по которому печатался стихотворение Гершелем. Есть же основания утверждать, что 'тихой славы' стояло и в подлинном тексте. В языке раннего Пушкина слово 'слава', наряду с обычным значением, означало 'своенравия', 'браниная слава'. Так, в стихотворении 1815 г. 'Мечтатель' поэт писал:
Бусая, улары в агучий шт,
И с видом дерзновенным,
Мне слава назвала прогит
Пертом окровавленным.
И браним являюся знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
В двух шеститомниках Гослитиздата 1935 и 1936 гг. и в вышедшем в настоящее время шеститомном издании в двух изданиях 'Academi' — девятитомном и выходящем в настоящее время шеститомнике.

Нейду, нежду за славою.
В послании 'К Чаадаеву' 1815 г.:
О Галач, время не возвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину келья кров притязий.

И я — питомец тайных мут —
В числе воюющих корнетов!
В стихотворении 'Наединки':
С победным склянием кликом,
Твоей росе яшу славу пел...
В 'Звездном дубке' целая строфа построена на противопоставлении военных, как друзей славы, поэтам:
Пейте за славу,
Славы друзья!
Врагев забаву
Любит не я.
Это веселье
Не веселит.
Друзья похмелье
Грома бежит.

То же противопоставление поэтов — военным в 'Послании В. Л. Пушкину':
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья...
Ясно, что здесь 'враги славы' это враги поэтов. Поэтому, когда Пушкин в послании 'К Чаадаеву' говорит о славе поэта, он в отличие от славы браниной, военной назвал первую 'тихой'. Именно это слово и дает нужную смысл началным стихам послания, слово же 'гордая' в этом контексте неуместно.

Подобная 'тихой славе' имеется 'мирная слава' в стихотворении 'Родные лес багряный своей убор, где поэт вспоминал:
Златые дни, уроки и забавы,
И черной слод, и бунты вечеров,
И ваш слобар, и плески мирной славы,
И критики индеекских мурлоп!
'Песни мирной славы' это — рукописная лирическая товарищеская поема после прочтения им стихотворения 'Пиршеству студенту'.
Таковы основания считать замену слова 'тихой' словом 'гордой' совершенно неправильной.
Выражение 'исчезнуть как сон' — довольно обычное у Пушкина; в стихотворении 'Воспоминания в Парском селе' Наполеон 'исчез, как у-

его стихотворений, поэт заменил слово 'сдаться' словом 'клясть'.
Который из двух вариантов считать обязательным для редакторов?
Вопрос решают два обстоятельства: в черновом автографе при наличии ряда вариантов для различных стихов слова 'сдаться' вовсе нет, и строки в рукописи собраны стихотворением, предшествовавшим в писарской копии текста, напечатанного в 'Северных Цветах', слово 'сдаться' исправлено по распоряжению Пушкина (как и все остальные допущенные в рукописи) на 'клясть', т. е. восстановлен первоначальный вариант автографа. Мнение прежних редакторов, что 'сдаться' был заменен 'клясть' из-за цензурных соображений, оказывается несостоятельным, тогда как на самом деле замена слова 'клясть' 'сдаться' при первой публикации была просто-напросто одним из авторских вариантов, от которого поэт отказался впоследствии, вернувшись к своей первоначальной редакции.
В послании 'К Чаадаеву', как и в целом ряде стихотворений, особенно в самых для нас интересных — политических, не имея автографа, никак нельзя быть уверенным в подлинности пушкинского текста. Текст в таких случаях всегда будет в той или иной мере предположительным.
Ярчайшим примером трудности и сложности установления текста может служить редакторская работа над текстом поэмы Пушкина 'Завриллида'. Пома эта не могла быть напечатана в старой России по цензурным условиям. Ни автограф, ни авторитетных списков 'Завриллиды' не сохранилось. Редактору текста поэмы пришлось восстанавливать текст, выбирая наименее искаженные, наиболее 'пушкинские' стихи, подходить к разночтениям копий вооруженным методом филологической критики.
Необходимость установления единичного текста произведений Пушкина или, во всяком случае, сведения до минимума разночтений, — давно осознававшаяся пушкинистами-текстологами; готовой по осуществлению этого важного дела они сейчас и заняты.
Полное собрание сочинений Пушкина, издаваемое Академией Наук СССР, томы которого начинают выходить к юбилею, — является плодом этой работы.

М. Горький о народности литературы

Н. Богословский

Есть народность и «народность». Есть подлинная органическая связь писателя с народным искусством, и есть подделка под народное творчество, за которыми кроется полное пренебрежение к духовным ценностям, созданным трудовым человечеством.

Сторонники подлинной народности всегда верили в духовную мощь народа, создавшего непреодолимые по своей глубине и силе сказки, легенды, мифы. Идеологи же народности никогда не ценили народной культуры, высоким выражением которой был эпос.

Существует «научная теория», которая стремится извести роль народа в области словесного искусства к простому воспроизведению форм, уже освоенных и разработанных господствующими тогда классами. Этой теорией излагают противоположную эстетическую концепцию Горького.

Многие иштей протитуют от критических статей Горького 1905—16 гг. к его статьям последних лет. Целый ряд положений, выдвинутых Горьким-критиком в наше время, переключается с его дореволюционными работами. Еще тогда, опираясь на выводы лингвистики, Горький белого указывал, что основной материал литературы и «главный деятель эпохи — язык» развивался в процессах труда. Он создавался народом, он — плод коллективного творчества. Более подробно Горький останавливается на этом вопросе в статье «О языке» (1934), вновь напоминая, что в словах заключены понятия, организованные «долговечным трудовым опытом», что язык — «многосторонний труд масс» — фундамент культуры духа, обладающей которой буржуазия еще недавно гордилась и хвасталась, как собственностью ее достижениями.

Статья Горького «Разрушение личности» (1906), выступившая частью которой посвящена вопросам образования языка, коллективного творчества, рождения эпоса, во многом переключается с позднейшими высказываниями его на этот счет. В статье «Разрушение личности» он показывает, как в мифе, в эпосе и в языке скапливается мощь коллективного творчества всего народа. «Только при условии сплошного мышления все народное возможно создать столь широкие обобщения, генеральные символы, жаковы Прометей, Сатана, Геральт, Святогор, Илья, Миклула и сотни других гигантских обобщений жизненного опыта народа... Индивидуальное творчество не создало ничего равного Илладе или Калиевле... Индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне которого не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах.

Почти в тех же выражениях говорит Горький об этом и в 1934 году на съезде советских писателей: «Обращая ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие художественно-совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Геркулес, Прометей, Миклула Селаянович, Святогор!... Все это образы, в создании которых гармонически сочетались радио и итупидно, мысль и чувство...»

Отсюда, Гамлет, Дон-Жуан, Дон-Кихот и Фауст созданы на основе народных легенд, сказок и преданий. «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он един-»

* Из статьи «Горький-критика», печатавшаяся полностью в 11 и 12 номерах журнала «Красная новь».

ственный и неискаемый источник ценностей — духовных!».

В статье «Разрушение личности» Горький дал скатый очерк развития индивидуализма, постепенного вырождения его и атомизма.

«Рядом с этим процессом атомизации индивидуализма, — писал Горький в 1909 году, — железные руки капитала, помимо воли своей, снова создают коллектив, сжимая пролетариат в целостную психическую силу, которая начинает сознавать себя как единственно призванную к свободной, творческой жизни, как великую коллективную душу мира».

Капиталистическое общество («пирамида праия, лжи, албы и виче-ского несчастья») ускоряет вырождение индивидуализма, опустошает су-трежную жизнь личности.

Именно для буржуазной литературы, оторванной от народа, характерен моральный распад, идейный анархизм, мистика, уход от действительности, эпидемия порнографии. Писатели, которым чудно народное миропонимание, создают пронзительные, бедные социальным содержанием, произведений, в которых отсутствуют искрешие чувство, мысль и пафос.

Словом — первоэлемент литературы, основной материал ее. Начало же искусство слова — в фольклоре. В статье «О пресах» Горький называет Пушкина всеведущим и ставил ему в особую заслугу то, что на всех русских литературных-дирижи он один читал внимание на фольклор. Мы знаем, что Горький постоянно признавал писателя собирать фольклор, учиться на нем, обрабатывать его. Он неоднократно подчеркивал колоссальное влияние устного творчества на письменную литературу, указывая на «формальную, сюжетную и дидактическую зависимость» последней от народного творчества, в котором «сжатой трудовой опыт бесчисленных поколений». «В оаках прежде всего поучительна выдумка — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед фактов».

В литературе мало наблюдать, учиться, знать, надо еще и выдумывать, создавать.

Он говорил, что знакомство с неисчерпаемыми сокровищами народного творчества поможет писателям обособиться от мертвящего влияния натурализма и обогатит их лексикон.

В статье «О том, как я учился писать» Горький рассказывает, как много значило для него лично знакомство с фольклором.

В одной из своих статей 1932 года Горький выражал уверенность, что новая эстетика, эстетика советской литературы будет создана на основах эпического героизма трудовых процессов и на основах классовой борьбы. Во всех историко-литературных и теоретических работах Горького мы видим постоянное стремление показать изначальный связь искусства с действительностью, показать решающую роль трудовых процессов в зарождении искусства.

* В статье «О динаме» (1908), написанной для французского журнала «Documents de progrès», Горький называет народ пуганым-лозотом, оавающим Прометея, Мойру, птацу Феникс, Фауст и Агафера, тысячи сказок, сказ, легенд и песен.

А. М. Горький на I Всероссийском съезде советских писателей.

Библиотеки и Горький

В одной из частей Московской пролетарской стрелковой дивизии Алексей Максимович Горький был почетным красноармейцем. Даюно уже эта часть имела крепкую связь с великим пролетарским писателем. Многие из командиров и бойцов ее были близки знакомы с писателем и сейчас, после его смерти, нередко упоминают Горького.

Библиотека части готовится к большому вечеру, посвященному творчеству Алексея Максимовича. В подразделении состоялась уже не одна беседа о творчестве великого писателя. Активные читатели библиотеки собирали газетные и журнальные вырезки, охватывающие материал, появившийся о Горьком в печати. На книжных полках библиотеки сейчас трудно найти сочинения Горького или книги о нем. Не успеет эти книги появиться, как красноармейцы и командиры расхватывают их.

Еще летом в лагерь части была устроена большая выставка, посвященная Горькому.

Вольную роль в пропаганде творчества Горького играет многообразная. Отмечая подлинное со дня смерти великого писателя, редакция поместила большое количество статей и заметок, посвященных его памяти. На вечер памяти Горького, который будет устроен в части, с докладом об его творчестве выступит сам красноармейский командир. Так, красноармейцем М. Слободским сделан доклад о романе «Жизнь Клима Самгина», а лейтенант Л. Штейнер расскажет участникам вечера о замечательной жизни и работе великого писателя.

Интесиную работу по продвижению книг Горького в читательские массы ведет библиотека Центрального дома Красной армии. Библиотекой выпущены специальные библиографические справочники, а сейчас сотрудники ее готовят очень интересные альбомы, посвященные писателю. Значительная часть его отведена теме «Горький — драматург». Будет дана история постановок пьес «На дне», фотографии артистов — участников первых постановок этой пьесы, выдержки из газет того времени, а также материалы о запрещении царской цензурой отдельных спектаклей. Специальные отделы: «Высказывания Ленина и Сталина о Горьком», «Значение Горького в русской и мировой

литературе» и др. дадут возможность командному составу лашей Красной армии глубоко изучить творчество великого пролетарского гуманиста.

Казаюсь бы, что с особенной любовью и вниманием к творчеству Горького должны относиться библиотеки, посещающие его имя. На деле этого не видно. Центральная рабочая читальня имени М. Горького воле свою работу по пропаганде его произведений и приближению их к читателю ограничила подборкой газетных вырезок, которые «скомпонованы» в альбомы и неравильным альбоме. Развернутая была в читальне фотовыставка давно снята со стенда, и сейчас никто здесь не напоминает о Горьком. Нет даже обычных плакатов и таблиц, иллюстрирующих творческий путь писателя. Кружок, лекции, беседы с читателями не было, да и не ожидается в ближайшем будущем. Это тем более недопустимо, что читальня является центральной в Москве и обслуживает весь профессиональный актив пролетарской столицы.

Развернувшая большую и интересную работу по подготовке и продвижению книг Горького в читальни имени Горького Центрального дома Красной армии. Библиотекой выпущены специальные библиографические справочники, а сейчас сотрудники ее готовят очень интересные альбомы, посвященные писателю. Значительная часть его отведена теме «Горький — драматург». Будет дана история постановок пьес «На дне», фотографии артистов — участников первых постановок этой пьесы, выдержки из газет того времени, а также материалы о запрещении царской цензурой отдельных спектаклей. Специальные отделы: «Высказывания Ленина и Сталина о Горьком», «Значение Горького в русской и мировой

литературе» и др. дадут возможность командному составу лашей Красной армии глубоко изучить творчество великого пролетарского гуманиста.

Очень плохо поставлено дело в районной библиотеке им. Горького, которая помещается на Большой Коммунистической улице. Вся работа сведена к механической выдаче и приеме книг. Между тем, как указала наша сотрудница библиотеки т. В. М. Горелова, есть все возможности для развертывания большой работы с читателями.

Таковы факты. Мы считаем, что ряд библиотек относится к непопулярным равнодушным к памяти великого писателя.

Опыт лучших библиотек, в частности библиотеки одной из частей Московской пролетарской стрелковой дивизии, следует перенести в отсталые организации, добившись во что бы то ни стало коренного передела в их работе.

С. ШИФ.
А. ЛИХТЕР.

Встреча

Геннадий Фиш

— Ну а что делается в Гельсингфорсе, — спросил наконец Вернер, — что нового? Кого видел, что говорит?

— Кого видел? — И Конрад смеялся. — Утром видел Сирула, ехал вместе в трамвае. У него в руках все листочки, а на них выписаны русские слова. В трамвае, за обедом, чуть только у него выдвигается свободная минута, он зубрит русские слова.

— А и немного понимаю по-русски, — с гордостью сказал Вернер. — Чертовски трудный язык.

— Это он свое обещание Максиму Горькому хочет выдержать. Он человек слова!

В тот 1906 год семья их жила в Гельсингфорсе. И вот в один из морозных февральских дней разнесся слух, что этот город это-то приехал и сегодня выступит в здании Вольного пожарного общества. Фамилии приехавшего Вернер сразу не разобрал.

И весь сбор — в полубу Красной гвардии, себе им логаного пенни, — с восхищением сказала мать соседке.

Выл воскресный день, и мать с отцом решили пойти прогуляться с семьей с большими и матыми детьми по воскресным улицам Гельсингфорса. Такое развлечение выладо на долю детей не часто и служило у них как бы мерой измерения времени.

— Это тогда, когда папа с нами гулял, и смеялся и кричал домой трезвым.

Но этот вечер остался в памяти по совсем другим причинам.

Около высокого каменного дома собралось очень много народа. Все было в крупных шапках с темными околышками, большими верхками, с блестящими козырьками.

— Это были студенты, многие из них станут потом докторами или профессорами, — с уважением сказала мать.

— Или судьями и лесниками, — любил без всякого уважения отец.

Вдруг в толпе зашевелился человек, он подошел к ним.

Горький изволок восседая на козлах, сдерживая рысак.

На парной вышли три человека. Они подошли к ним.

Высокий, слегка сутулый человек приподнял медвежий полость и пропустил вперед лапу в шляпку. Затем в сани сел еще другой человек, он держал в руках большой плоский футляр.

— Это наверно русский поп, — смотрит, какие у него длинные волосы, — наставительно сказала мать, — наставительно сказала мать, — наставительно сказала мать.

Вернер уже всобрался на фонарь, чтобы было виднее; пришлось при этом ступить за ноги другого мальчишки. И он увидел, как шапалером, вплоть всей длинной улицы по обеим сторонам мостовой у тротуаров выстроились красногвардейцы. И не было видно конца этим живым шапалерам.

И еще Вернеру в тот вечер довелось увидеть то, чего никогда до этого он не видел и не увидел после.

Как только эта дама и двое мужчин сели в сани, откуда ни возьмись человек пятьдесят рабочих отнесли студентов, стоявших большой толпой около сани, и подбежав к оглоблям, стали вытряхивать лошадей.

— Мама, мама, что они делают? — спросила соседка.

Но мать сама за слепыми не видела того, что делается у сани. Извожик точно так же недоумевал, и замалудило было кутном вокруг шумящего его извозья. А он быстро вытряхнул лошадей и отделился в сторону. Извожик соскочил с козла и пошел за нем...

Санн, подталкиваемые сади льдиной, быстро пошли вперед. Люди окружили сани с боков, ухватились за оглобли и влезли сами вперед по улице.

И тогда высокий сутулый человек, бритый, с подстриженными усами (это все Вернер запомнил), встал на санях и, сняв шапку, помахал ею. И сейчас же все улицы зазвенела громкими криками.

— Ура! — Ура! — кричали те, которые везли сани.

— Ура! — кричали красногвардейцы в шапалерах. И крик их подхватывали люди, столпившиеся на тротуарах.

И Вернера поразило, почему не кричат этот дядя с блестящими полостями на плечах и сабей... Он не знал тогда, что жандармам не полагалось кричать ура тогда, когда ура кричат красногвардейцы.

И в этот момент, когда папа с нами гулял, и смеялся и кричал домой трезвым.

Но этот вечер остался в памяти по совсем другим причинам.

Около высокого каменного дома собралось очень много народа. Все было в крупных шапках с темными околышками, большими верхками, с блестящими козырьками.

— Это были студенты, многие из них станут потом докторами или профессорами, — с уважением сказала мать.

— Или судьями и лесниками, — любил без всякого уважения отец.

Вдруг в толпе зашевелился человек, он подошел к ним.

Горький изволок восседая на козлах, сдерживая рысак.

На парной вышли три человека. Они подошли к ним.

Высокий, слегка сутулый человек приподнял медвежий полость и пропустил вперед лапу в шляпку. Затем в сани сел еще другой человек, он держал в руках большой плоский футляр.

— Это наверно русский поп, — смотрит, какие у него длинные волосы, — наставительно сказала мать, — наставительно сказала мать, — наставительно сказала мать.

Вернер уже всобрался на фонарь, чтобы было виднее; пришлось при этом ступить за ноги другого мальчишки. И он увидел, как шапалером, вплоть всей длинной улицы по обеим сторонам мостовой у тротуаров выстроились красногвардейцы. И не было видно конца этим живым шапалерам.

И еще Вернеру в тот вечер довелось увидеть то, чего никогда до этого он не видел и не увидел после.

Как только эта дама и двое мужчин сели в сани, откуда ни возьмись человек пятьдесят рабочих отнесли студентов, стоявших большой толпой около сани, и подбежав к оглоблям, стали вытряхивать лошадей.

— Мама, мама, что они делают? — спросила соседка.

Но мать сама за слепыми не видела того, что делается у сани. Извожик точно так же недоумевал, и замалудило было кутном вокруг шумящего его извозья. А он быстро вытряхнул лошадей и отделился в сторону. Извожик соскочил с козла и пошел за нем...

Санн, подталкиваемые сади льдиной, быстро пошли вперед. Люди окружили сани с боков, ухватились за оглобли и влезли сами вперед по улице.

И тогда высокий сутулый человек, бритый, с подстриженными усами (это все Вернер запомнил), встал на санях и, сняв шапку, помахал ею. И сейчас же все улицы зазвенела громкими криками.

— Ура! — Ура! — кричали те, которые везли сани.

— Ура! — кричали красногвардейцы в шапалерах. И крик их подхватывали люди, столпившиеся на тротуарах.

И Вернера поразило, почему не кричат этот дядя с блестящими полостями на плечах и сабей... Он не знал тогда, что жандармам не полагалось кричать ура тогда, когда ура кричат красногвардейцы.

И в этот момент, когда папа с нами гулял, и смеялся и кричал домой трезвым.

Но этот вечер остался в памяти по совсем другим причинам.

Около высокого каменного дома собралось очень много народа. Все было в крупных шапках с темными околышками, большими верхками, с блестящими козырьками.

— Это были студенты, многие из них станут потом докторами или профессорами, — с уважением сказала мать.

— Или судьями и лесниками, — любил без всякого уважения отец.

Вдруг в толпе зашевелился человек, он подошел к ним.

Горький изволок восседая на козлах, сдерживая рысак.

Максим Горький и Франция

Когда в июне этого года в Париже и во Франции узнали, что умер Максим Горький, печаль и скорбь охватила всех. Немного французских писателей знало я, которых так горестно, так искренно оплакивало такое множество людей.

Ибо во Франции, как и в Советском Союзе, Горького читали не только люди, обладающие вполне достаточным достоянием для чтения. Если интеллигенты сплели ему венки, на каждом цветке которого красовалось полное комо-либо из самых прославленных представителей французской мысли, то не менее искренни, не менее заслуженные были почести, оказанные ему французскими рабочими.

И своим простым языком французские рабочие говорили умершему Горькому то, что Горький живой написал однажды Роману Роллану: «Все честные люди на земле любят вас».

Возможно, что народные массы во Франции не читали «Клима Самгина». Но они узнавали себя в «Детстве» и в других книгах Горького. Но кино, театр, так же как книги, познакомили их с «Матерью» и с «На дне». Популярность Горького — иностранного писателя — среди рабочих Франции, популярность, пожалуй, впервые встречающаяся в истории, придала его личности необычайное обаяние.

Эта любовь французов к Горькому объясняется, по моему мнению, той любовью к Франции, которую Горький сам был проникнут в течение всей своей жизни.

Глубоко человеческой и непосредственной была приверженность Горького к французской культуре. Он восхвалял Вольтера, «всею жизнью, как титан, борющегося с пошлостью», и Виктора Гюго — трибуна и поэта. В 1922 г. он писал Роману Роллану: «Если вы хотите знать мой идеал как писателя, то он очень смелый, очень несерьезный: писать, как Флобер. Вот как».

А одному молодому писателю, обратившемуся в том же году к нему за советом, он ответил: «Нужно читать и учиться, и переходить отгуглами в перушки и снова возвращаться отгугла зком».

Он хотел быть с братом, и только под вечер, играя в снежки с двоюродными мальчиками и ловко понав одному в нос, он немного утешился.

Брат пришел уже поздней ночью, и никто, к удивлению Вернера, не ругал его, а все расспрашивали, как и что было. А он держался уже совсем как взрослый и рассказывал.

— Он все читал что-то по-русски. Потом сказал по-русски: Но разве разобрать — что.

— Но были ведь переводчики.

— Да он сказал, что он только простой солдат. И все встали, были в ладоши, топтали, кричали браво. Правда.

Ну, Вернер этому уже не поверил. «Что такое солдат — он отлично знал...»

— А потом, — продолжал свой рассказ Конрад, — было так тихо, и всем невзвизало место. Я стоял на сцене сбоку, а Сирула приветствовал от всех нас и сказал: «Дорогой Максим Горький, когда вы в следующий раз приедете к нам, я надеюсь, что сумею уже приветствовать вас на русском языке...»

— Ну, а русский поп что делал? — А! Читал стихи и играл сам себе на большом кантеле и пел русские песни.

Этому никто из собравшихся соселел не хотел верить, хотя Конрад давал четкое слово, что говорит правду... Вернер тогда не дослушал завершения спора, заснул на стуле, а проснувшись утрат в постели рядом с братом, никак не мог вспомнить, как он там очутился.

— Так вот, Сирула — человек слова, — продолжал свой рассказ Конрад, отхлебывая портвейн из стакана. — И я его видел сегодня утром... он все горит и все с листками.

* В Финляндии Красная гвардия была организована в конце 1905 года.

* Конрад говорил правду. Это был поэт Петров-Скиталец.

«С утра до вечера он ходил по улицам города с ящиком на груди, и поднимая нос кверху, с достоинством поднимался на людей.

Жизнь казалась ему простой, легкой, приятной. Его мечты принимали простые и ясные формы: он представлял себе через несколько лет хозяином маленькой чистой лавочки, где-нибудь на хорошей, не очень шумной — улице города, а в лавке у него — легкий и чистый галантерейный товар, который не пачкает, не портит одежды. Сам он тоже чистый, здоровый, красивый. Все в улице уважают его, девушки смотрят ласковыми глазами. Вечером, закрыв лавку, он сидит в чистой, светлой комнате, пьет чай и читает книжку. Чистота во всем казалась ему необходимым и главным условием порядочной жизни».

Несмотря на это стремление к чужим книжкам, мечты Ильи, его представление о хорошей жизни целиком и полностью укладывалось в буржуазно-мещанский, мелкобуржуазно-идеал. Углубленной своей мыслью, он и весь мир воспринимал под этой углом зрения.

«Он всем видел, что все люди идут и одной с ним цели, идут той же спокойной, смирной и чистой жизнью, какой хочется и ему. И никто не стесняется оттолкнуть со своей дороги другого, если он мешает ему: все жалды, безжалостны, часто обижает друг друга, не имея в этом виновности, без пользы для себя, только ради удовольствия обидеть человека».

Художественное своеобразие истерического и оригинального образа Ильи Лунеева заключается в том, что в отличие от Фомы Горделева, ему приходится — если можно так выразиться — проделывать в жизни «двойной путь». Фоме не знал такого горького и голодного детства, как Ильи. Фоме не было бы мечтать об этой жизни как об идеале, он получил ее готовой на руж своего богатого отца. Фоме не пришлось самому, тесня и угнетая других, изживать свой, как выживал его отец Илья Горделев. Но Фоме на опыте отца и окружающего искусства знал и видел, какими путями образуются миллионы Кононовы, Рейниковы, Горделевы и других против которых восстал Фом. Но Фоме восстал, будучи сыном и обеспеченным человеком. В этом его особенное и психологическое отличие от Ильи Лунеева.

ОБОЮЧАНИЕ СМ. В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Романы Горького

(«ФОМА ГОРДЕЕВ», «ТРОЕ»)

М. Серебрянский

В «Фоме Горделее» есть такой эпизод.

Когда Фоме привел на пароход своего любовника Пелагею, он подловил своего капитана Фима и предупредил его: «Ты, Фим, и себе заручи на вой, и всем тут скажи, ежели да я услышу про не как-нибудь похаб...»

«Дню сегодневным глава Фомы, его лежачего лико выинуши капитану бланку мысль уйти от хозяйина, и он быстро ушел.

Он был зол на Фому и считал себя напрасно обманутым: но в это время он чувствовал над собой трудную настоящую хозяйскую руку. Ему, годами привыкшему к обидчивому, нравившаяся проявленная над ним власть, и, войдя в кату старика-лодочника, он уже с оттенком удовольствия в голосе рассказал ему оцмену с хозяйном».

Этот маленький эпизод, как и каждая настоящая художественная деталь, полон глубокого жизненного смысла. Десятки и сотни лет угнетенная нация с ростом осознания классовой ненависти вырабатывали вместе с тем и привычку к почитанию, покорности, слепому послушанию. Они создали те черты психологии, которые, в свою очередь помогая хозяевам господствовать, мешали трудящимся или сильно затрудняли борьбу народа за свое освобождение от этого господства даже какое-то фетишское отношение подчиненных к проявлению царской воли. Крепостной Савельяч молодой фарина Гринява из «Капитанской дочке» Пушкина, или Захар помещика Обломова из романа Гончарова — они и в мыслях не держали, чтобы «барское дите» могло стоить выше почитать для удовлетворения своих нужд и позавистливости к себе самом. Барская, хозяйская воля была законом, и закон этот заступало выполнялось безропотно и даже с радостью.

* Отрывок из книги в М. Горьком.

Горделеев капитан Ефим тоже во многом характеризуется слепой покорностью хозяйку и исполнительностью. Сначала обманившись, он затем даже с удовольствием рассказывает лодчому о том, как решительно и круто проявилась хозяйская воля Фомы. И несколько позже, когда пьянство, кутежи и тошкливо разговоры молодого Горделеева начали отрицательно сказываться на торговых делах, Ефим жалуется Машину, опекуну над Горделеевым имуществом:

«Я хочу уйти, Яков Тарасович! Мне без хозяйина — невычтно, не могу я без хозяйина жить...»

Такая косякая психология подчиненных людей могла вырабатываться в сознании трудового человека только в результате длительного векового угнетения, кабала, рабства.

Или взять, например, отношение к труду. Это отношение с классической ясностью отражено в известных словесах и поговорах о том, что работа — не волк, в лес не убежит, что работа дравков любит, и в некоторых других печальных обобщениях. Повторя эти обобщения, естественно, в определенных социальных условиях, на них по-своему народ откликнулся, и отрицательные стороны бытия подчиненных и рабством, но в прошлом покорности был горной обязанностью подневольных людей, проклятием, которое носился на своем горбу человека из поколения трудового народа.

В повести Фоме стыдится своего желания поработать, ибо он почувствовал, что искренности этому желанию не поверит. Да и на самом деле: зачем хозяйну работать? Неужели в какой-нибудь работе можно почерпнуть радость, удовольствие, наслаждение? Из толпы, собравшейся перед Фомой, выходит крестьянин и говорит ему:

«А ежели нам и Волгу досуха выпить, да еще вот этой горой загнать, — и это забудется, ваше степенство. Все забудется, — живя то длинна...»

Можно не сомневаться, — а это предположение было бы просто возмутительно, — что мужик, выживавший эту мысль о бессмысленности человеческого труда, не был, конечно, знаком ни с идеями, ни с философским учением писателя. Он был, однако, инстинктивно связан с той сложившейся у него и у многих таких же трудовых людей, — общему для многих представлению о бессмысленности труда, о том, что как ни делай и что ни делай, — все это исчезает, забудется, рассылится в прах, и никакого следа в жизни не оставит. Он отрицает не только возможность труда как творчества, он отрицает и самую возможность творить руками трудового человека. И в «Фоме Горделее» и в других произведениях Горький замечательно глубоко выразил это бессмысленное и анархическое отношение к труду, рожденное тяжелыми рабочими условиями прошлой жизни.

Фоме Горделее начал бтовать потому, что он понял умом и сердцем, как уродует и калечит человека и души капиталистической строй, частая собственность, угнетение одного человека другим. Фоме поняла, что деньги, золото являются одним из главных источников всех зол и несчастий, обрушившихся на человека вековой любовью, честь, совесть, талант, дружба, искренность — все становится предметом купли и продажи; счастье и наслаждение Дольда и того, у кого денег много. Дольда от этой мысли о безжалостной и несправедливой власти золотого телца, Фоме возмутился и возстал против своего класса, против жизни, устроенной богачами, против ступиного ада, организованного ими на земле.

Художественная значительность произведений Горького «Фоме Горделее» и других в том-то и заключается, что в них блестяще разоблачена неформальность этой «нормальной» жизни, губительные начала которой начинают осознавать даже выходы из богатых классов, такие представители куческой буржуазии, как Фоме Горделее или князь Балалыгин.

Вечер Маяковского

17 декабря 1936 г.

Политехнический музей

Поэты, выступавшие на вечере, представляли литературу различных народов — таджикскую (Г. Лахути), болгарскую (Любимил Стоянов), немецкую (Иоганне Бахер и Гуго Гупперт), еврейскую (Герц Маркиш), венгерскую (А. Гадаш).

Все, что они говорили о Маяковском, складывается в краткую и выразительную формулировку выступавшего на том же вечере польского поэта Ст. Станда:

— Маяковский величайший поэт XX века именно потому, что он талантливый, талантливейший поэт советской эпохи.

Будущему исторiku литературы предстоит не малая работа по исследованию роли Маяковского в формировании современной революционной поэзии не только СССР, но и Западе. Все выступавшие на вечере можно рассматривать как своего рода вехи на этой будущей работе.

— Мы, антифашистские писатели Венгрии, восприняли Маяковского как бесспорного обличителя умиротворяющего класса, — заявляет Людмила Стоянов, — еще в 20-е годы, когда пропагандистом его творчества у нас выступила растерзанная впоследствии фашистами Гейо Милес, мы разглядели истинное зерно поэзии Маяковского, истинную ее направленность. В нашей жизни еще действуют силы, соединяющие с исторической армией в нашей стране. Можно ли в борьбе с этими силами обойтись без такой великой опоры, какой является поэзия Маяковского?

Эта мысль дополняет слова Иоганнеса Бахера: — Стихи Маяковского живут в германском революционном подполье, они звучат на баррикадах красного Мадрида, в окопах Каталонии.

Одним из наиболее интересных моментов вечера явилось выступление ответственного редактора «Комсомольской правды» В. Бубекина. Бубекин со всей страстью выступил против пресловутой «двойной культуры» в оценках, даваемых частью критики творчеству Маяковского.

— Мы любим Маяковского всего, целиком, от первой строки до последней, не различаем по разным признакам на разных полочках; мы любим не только политическую лирику Маяковского, но и его «лирическую лирику» — и «файтэво-возможности», и замечательные «Прозы» и т. п., так как в них выражены чувства, естественные для любого человека в определенный период его жизни; мы любим механически делить стихи Маяковского на «до» и «после» шага по верному пути. Пора кончить разговор о существовании какой-то «двойной культуры».

Слова т. Бубекина усилили благоприятную почву: бурей оваций отдала аудитория на горячий прием редактора «Комсомольской правды» — изучать и любить всего Маяковского. С чтением стихов поэта выступила, как это стало традицией на подобных вечерах, бригада имени Маяковского. Мы считаем, что нужно серьезно переосмыслить эту традицию. Большинство членов бригады читает стихи плохо и подражательно. Они вымывают у Маяковского его великий рисунок, но не в состоянии сообщить последнему ту красоту красок и интонаций, ту эмоциональную яркость, которой так отличалось чтение Маяковского.

Хорошим примером для молодых читателей должен был явиться последний стих Станда, показавший, что можно блестяще интерпретировать Маяковского, не прибегая к копированию чужих интонаций. Нужно отметить и высокое качество перевода поэмы «Во все голоса», сделанного т. Стандо.

С чтением стихов Маяковского на немецком и еврейском языках выступили поэты П. Маркиш и Г. Гупперт. Только был встречен аудиторией Н. Асеев, прочитавший первую главу стихотворной повести «Маяковский».

Я. РОДИН

Маяковская Гостиница Грузии демонстрирует новый звуковой фильм — комедию «Фрилатый майя». Тема Т-лового фильма — освоение летного искусства молодежью нашей страны без отрыва от производства. На снимке: арт. Тана Сава в роли пилота Нины.

ПОЭТЫ В ГАЗЕТЕ

Оторванное и, кажется, единственное за этот год общесоюзное собрание членов поэтической секции ЦСР СССР было посвящено обсуждению работы поэтов в газете.

С докладом о стихах, напечатанных в центральных газетах, выступил Н. Асеев. Докладчик дал резкую и яркую оценочную оценку газетной поэзии. По его словам, стих, помещенный даже в центральной печати, сера, однообразна. Яркие, выразительные, возбуждающие эмоции строки в них подаются чрезвычайно редко. Однако т. Асеев никак не аргументировал это непервое утверждение, по сути дела сводящее на-нет всю работу советских поэтов в газете.

Гораздо ближе к истине был докладчик, когда говорил о причинах невысокого уровня политической лирики. Тов. Асеев останавливает внимание на работе В. Маяковского в газете, на его умении быстро откликаться на события и звуками стихами на события дня.

Советские поэты немало бы похвально для себя полезного, если внимательно присмотрелись бы к этой стороне творческой деятельности автора «Хорошо», «Волна». Однако по сию пору отклик газетной работы Маяковского был неосвоен. По сию пору работу

в газете многие поэты расценивают как второстепенное и не связанное с их творчеством дело.

Обстоятельно развил эту мысль тов. Асеева в своем выступлении А. Сурков. — На газетный стих, — говорит он, — у нас смотрят как на явление проходимое: в сборники, обычно, его не включают. Никуда стихов из газетных сборников, сера, однообразна. Между тем лет для поэта более почетной работы, чем газетная. В газете он общается с такой широкой читательской аудиторией, о которой и не смеет мечтать, выступая в журнале и сборнике.

Тов. А. Безыменский считает, что работа многих поэтов в газете мешается отсутствию широкого кругозора, истинное знание действительности присутствует им как бы в виде ярлычков. Очень часто, не сумев разгадать и понять философский фактор, поэты свалывают по поверхности их, отчего стихи получаются бедные, плоские, штампованные.

Т. Безыменский, А. Сурков, В. Инбер и Н. Павлов утверждали, что Асеев за некорректно удержал т. Асеева за некорректно удержал. Замечание верное. Однако оно в одинаковой степени распространяется и на выступления участников прений.

С горячей режью против эстетской критики, неправильно ориентированной советских поэтов на творчество В. Нестеркина, выступил Д. Алтухов. Говоря о большом принципиальном значении ноябрьского постановления Комитета по делам искусств ЦСР, тов. Алтухов обвинил руководство поэтической секции в практической неадекватности. Обвинение справедливо. Как это ни странно, но бюро секции до настоящего времени не удосужилось организовать среди московских поэтов обсуждения решения Комитета искусств о постановке «Богатырей». Впрочем это не единственный «продукт» секции.

«Не вызвало споров на собрании внутреннее сообщение т. Симонова о стихах в областной и краевой печати. А поговорить здесь было о чем. Как показывал доклад, литературные отделы красных газет думают, что достаточно хорошо знают поэтов, публикуя их стихи, оставшихся неосвоенными.

Собрание затнулось за полночь. Однако поэты сумели лишь поставить вопросы, а не решить их. Нам казалось бы целесообразным продолжить обсуждение.

В. Т.

Об оборонной песне

16 декабря в Доме советского писателя состоялась вторая встреча драматургов и командиров РККА. Обсуждение комедии пьесы В. Гусова «Слава», «Волна» В. Романова, «Семья Волковых» А. Давуркина, «Год XIX» и «Мотислав удалой» И. Прута и др.

Различно расценивая ту или другую песню, отмечая достоинства и недостатки, драматурги и командиры РККА пришли к общему выводу, что для отображения жизни Красной армии, героизма и мужества бойцов сделано у нас еще очень мало.

СКАЗКИ НАРОДА ЗУЛУ

Издательство Всесоюзной Академии наук выпускает сборник этнических сказок в переводе со вступительной статьей и комментариями И. Снегирева.

Книга «Сказки Зулу», — пишет академик В. В. Струве, — представляет собой большую ценность как первый русский оригинальный перевод памятников богатого фольклора негрятских племен банту Южной Африки. Перевод сказок литературы по своей форме и доступен широкому читателю. Сказки возбуждают тем больше внимания, что они отражают общественную жизнь и строй негрятских племен Южной Африки до вторжения туда империалистических захватчиков.

— Мир пахнет порохом! — заявил в своем выступлении А. Ржевский. — И мы, советские драматурги, не имеем права заниматься беспредметной лирикой. Нам под советских правительств — работать на оборону нашей страны на том участке строительства, на каком мы стоим. Создание оборонной песни — важнейшая и неотложная задача.

Ценные замечания по поводу выказанных драматургов сделал инженер-танкист т. Котлар. Красная армия должна быть показана не только в героических подвигах, но и в своей повседневной будничной жизни.

Заместитель начальника Стратегического комитета т. Сытин считает, что героическая песня вполне возможна и необходима. Большое внимание драматурги, особенно трудова потому, что качество драматургического материала должно быть на очень высоком уровне. В этом смысле никак не удовлетворяет пьеса С. Семеновая «Не садимся», в которой автор — очевидно четковикский японел — не нашел ярких слов и красок художника, чтобы дать представление об этой героической экспедиции, об исключительной самоотверженности и мужестве ее славных участников.

Е. КОСТРОВА

«БИЛЕТ ЧИТАТЕЛЯ»

Небольшую книжечку в переплете из плотной бумаги выдают «Билет читателя». Если перевернуть в ней любую страничку к неизбежному вопросу относительно фамилии, имени, отчества и местожительства, на следующих страницах развернется список с фамилиями и адресами «друзей».

Не все они одинаково близки читателю, но если внимательно взглянуть в билет, список друзей» поможет определить близки и незнакомые человека.

У работницы «Отдела доставки на дом» библиотеки ЦДКА т. Богородицына на столе разложено много читательских билетов.

Она, не выбирая, раскрывает один из многих и говорит: «Билет т. Москвитина, мать двух детей, т. Мосвитина, мать двух детей, т. Мосвитина, мать двух детей, т. Мосвитина, мать двух детей».

Вот читательский билет т. Солдатова — жены старшей Академии механизации и моторизации. В числе ее друзей: Горький и Лизинке, Чернышевский и Гого. Она требует и являюсь, внимательно следи за пополнением книжного полка библиотеки. «Как закалялась сталь» Н. Островского, «На Восток» Павленко, книги Пэрл Ваг, О. Форш, Фейтхвантера уже были записаны в ее билет и возвращены в библиотеку.

Вот список прочитанных книг тов. Рабинович — жены дна комиссара. Она в настоящее время читает «Баллада и Гете. В ее списке: Байрон, Рабле, Огюстен, В. Маргерит, А. Барбис, Пэрл Ваг, Фейтхвантер.

Можно расширить еще читательские билеты жен командиров и они будут арко иллюстрированы стремление к книге, жаждою к знанию и любовь к замечательным произведениям, вошедшим в сокровищницу мировой литературы.

Жена работница Упр. ВВС тов. Сергеева любит классиков западноевропейской литературы. Сейчас она читает книгу и о нашей стране: «На золотом фронте» Сергеевского. Книга, популяризирующая интересный вопрос.

«Мне особенно близок роман Павлико «На Восток», — говорит тов. Шахова, жена врача авиачасты, — я прочела несколько лет на Дальнем Востоке. Автор хорошо выразил растущую роль Дальнего Востока. Большой интерес у меня вызывает героические годы гражданской войны в этом замечательном крае. Я внимательно перечла роман Павлико «Последний на удаче». У Павлико — партизаны, гражданская война, у Павлико — советский Восток наших дней. Даны те же партизаны, но уже как создатели мощи настоящего, закладывающие основы блестящего будущего».

За последние 6 месяцев много книг прочтено и т. Лунинской женой командира — работница УМС. В ее билете можно найти названия общественно-политических книг и книг современной художественной литературы, но ближе всего ей великий поэт: «Пять Павлико за его глубокий полнейший интерес к русскому народу, за то, что он первый обратил внимание на народное творчество, на богатство звуков и красок народной речи. Пушкина передал песни и сказки народа, не искажая их».

Многие из жен командиров стали настоящими помощницами своих мужей. Приходя в библиотеку, они подбирают книги, которые желают прочитать их мужья. Командир тов. Филипповскому часто не хватает времени

заходить в библиотеку. Его жена — т. Филипповская систематически берет для него книги, знает хорошо литературные вопросы и вкусы мужа и не только знает, но и разделяет их. Ее билет знаком как русская, так и западная классическая литература. Яд выходящих из печати книг закупает она, и библиотеке почти в 4.000 томов уже аккуратно доставлена по подкам в ее квартиру. Она любит бессмертные стихи Гомера и Вергилия. Большую заботу проявляет она о чтении своих детей, внимательно подбирая книги и для них.

Тов. Кувшинова О. В. — жена слушателя Военной Инженерной академии — в своем чтении придерживается строгого плана. Так, прочитав произведения Золя — «Гуги», «Разгром», «Жерминаль» и др. — взяла Клемана «Эмаль Золя». Романом А. Франса в ее чтении сопутствовала критическая литература об Анатоме Франсе.

Пример такого же систематического чтения находим и у т. Новосадской — жены чл. авиачасты. Она прочтала «Цусуму» Новикова-Приблуда вместе со статьями В. И. Ленина: «Разгром» и «Порт Артур», Читай «Петра I» А. Толстого, перечла беседу т. Стангина с немецким писателем Эмилем Ливингом. «Поднятая целина» Шолохова заставила меня еще раз внимательно перечитать ряд выступлений нашего великого вождя по вопросам перестройки хозяйства страны», — говорит она.

Ульянская авиачасты, читала знаменитую книгу Бруслинаева и Сидорова. Любовь к музыке приводит ее к книгам «Музыкальное наследство», «Чайковский» Остронова и ряду других книг. Она любит и поэзию: Байрон, Гейне, Шиллер, Беранже, Тютчев, Некрасов — ее любимые поэты, и часто берет их она, чтобы перечитать вновь.

«Мне помогают следить за новинками современной литературы литературно-художественные журналы», — говорит жена лейтенанта т. Эсенов,

особенно я люблю «Знамя». Там всегда нахожу и интересный и литературный и критический материал. Интересные аннотации к новым книжкам печатает «Литературный Современник» в своем отделе «Книжная полка». И действительно, тщательно следя за критико-биографическими отделами журналов, т. Эсенов прочла все выходящие за последний год книги: здесь и Фейтхвантера — «Боевая Германия», «Слет», «Борна», «Эпосика», «Литуровника», «Единственный и Гастало», Германия, «Наши знакомые», Маршак — «Дети мертвых», и ряд статей по вопросам исследования творчества великого поэта А. С. Пушкина.

Круг интересов жон командиров, огромна, оромен и широк на книги: по педагогике, гигиене, воспитанию детей, вопросам семьи и самым разнообразным общественно-политическим вопросам.

Жены, боевые подруги командиров, за которыми, как и за всеми женщинами нашей страны, великой сталинской Конституцией наравно закреплены завоевания революции, требуют много новых хороших книг. Всемерное содействие жон командиров развивается в показ огромной осязательной работы, которую ведут в частях боевые подруги красных командиров.

В организации ленинских уголков, библиотек, столовых, клубов и лагерей, везде видна забота и внимание жон, друзей и товарищей командиров.

Эта большая общественная работа вызывает еще большую потребность в книге, а хорошие книги помогают строить красивую, замечательную жизнь.

«Почта и ответственная работа библиотечка с такими вымышленными и требовательными читательницами», — говорит т. Богова.

Б. ДАЛИН

Е. ОРЛОВА

Литературные пародии

А. Архангельский

ЕСТЬ ЛИ У НАС КРИТИКИ?

П. РОЖКОВ

Философемы и рассуждения

М. ЛИФШИЦ

(К 200-летию Иогана Брудершафта)

Иоган-Ульрих Брудершафт родился примерно в первой половине начала второй четверти позапрошлого столетия. Значительно позже вышел его капитальный труд «Фарония предрасного». Видение этой книги на данный момент не было показано с исключительной глубиной до пишущего эти строки. Тем приятней восполнить этот исторический пробел.

Уже Герцих фон Мерц в полемике с Зильбербергом утверждал, что в отсутствии правильных установок, Позднее Анри де Дюа, разоблачая схоластов и вульгарных социологов типа Сульфидия младшего, вывел принцип, обратный утверждениям последнего. Последующие эпохи мало осветили этот столь важный вопрос. Высказывания Гегеля были значительно позже. Даже у такого мало известного мыслителя, как Арчибалд Фредж, ярого поклонника Зигфрида Зиммершале, нет прямых указаний на истинное понимание. У Гете и Шлегеля оно обнаруживается в большей степени. Герт фон Мариндх в дальнейшем выдвигает принцип, который позже подтверждает уничтожающей критике. Иов Крайне и Жан де ла Тур в своих трактатах почитаются утверждать принцип гармонии, против чего значительно позже ополчился Ганс Обершур. На этом фоне выдвигается совершенно правильный взгляд Маркса.

Только наша эпоха позволяет, благодаря автору этих строк, правильно и понятно, несмотря на столь далекую от нашей ту эпоху, разъяснить значение наследия Иогана Брудершафта и его влияние на последующие эпохи.

Классик азербайджанской литературы

К 25-ЛЕТИЮ СМЕРТИ М. А. САБИРА

Исполняется 25 лет со дня смерти классика азербайджанской литературы, популярнейшего писателя трудящихся, выдающегося революционного поэта-сатирика Мирза Акпер Сабира.

С 10 по 25 декабря по всей Азербайджанской республике проводится вечера памяти поэта с широким участием в них писателей, рабочих-станковцев, колхозников, работников искусств и науки. О жизни и деятельности Сабира читаются лекции, в колхозах и совхозах, учебных заведениях, библиотеках, научных организациях и т. д. С чтением стихов поэта выступают квалифицированные чтецы.

В Баку 25 декабря в Большом государственном театре им. М. Ф. Ахундова правительственная комиссия организует торжественный вечер. С докладом о жизни и творчестве Сабира выступит зам. отдела культуры-просветы ЦК Компартии Азербайджана т. М. Мамедов.

Комитету по делам искусств при Совнаркоме АССР поручено организовать подготовку проекта монументального памятника Сабиру, который будет установлен в 1937 г. в Баку, на площади имени поэта. В отдельные дни на родине поэта в т. Шемахе будет установлен бюст.

В первой половине 1937 г. будет выпущен академическое издание произведений классика. Объявляется конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу о его творчестве.

Имя Сабира присваивается четырем лучшим интернациональным школам в Валахе (где преподавал Сабир), Республиканскому Педагогическому техникуму в Баку и одной из бакинских улиц.

Дошкольная литература в 1937 году

На заседании секции детской литературы при ЦСР редактор Детиздата т. Оболенская ознакомила собравшихся писателей с планом издания дошкольной литературы в 1937 году.

Значительно увеличен ряд сказок и фольклора. Серьезное внимание уделено творчеству народов СССР.

Значительное место в плане уделено литературе познавательной: напечатаны издания сборников, дающие детям в доступной форме элементарные сведения по естествознанию, географии, технике и другим наукам, приуроченно будет к выпуску детской энциклопедии. Интересна попытка Детиздата привлечь шестилетних и семилетних детей к созданию больших повестей для детей младшего возраста и дошкольников.

Нужно, к сожалению, констатировать, что обсуждение плана, составленного т. Оболенской, по существу не состоялось. Никаких коррективов, никаких дополнений и предложений писатели, присутствовавшие на собрании, не внесли. Разговоры велись главным образом, в плане личных обид и претензий, далеко не всегда, впрочем, обоснованных и серьезных.

Что же касается подятого на собрании вопроса о существующей разобщенности детских писателей, то тут правильно было адресоваться с упреками к секции детской литературы при ЦСР. Если секция не проявляет нужной активности в выполнении своих задач, то писатели открытой критикой недостатков секции должны помочь ей перестроить свою работу.

Собрание приняло постановление о регулярном обсуждении в тесном творческом кругу произведений детских писателей до того, как эти произведения появляются в печати. Это является существенным шагом к оживлению секционной работы, к созданию настоящей творческой среды.

Б. ДАЛИН

Е. ОРЛОВА

Как известно, время от времени в наших журналах появляются критические статьи. Статье быть критики у нас имеются. Однако для диалектически мыслящего марксиста недостаточно констатировать этот факт, но следует подвергнуть его подробному анализу.

Итак, как я уже доказал, критики у нас есть. Но что это за критики? Начнем, как полагаются, с подборки напечатанных в журнале статей. Их запыхательские теории и теориями, в плену которых они находились, общеизвестны. Общеизвестно, что и теперь некоторые рапповские наследники нахальным образом продолжают быть в плену своих беславных предшественников. Далее, Возьмем хотя бы критиков А. В. В. Общеизвестно, что эти горе-диалектики ни уха, ни рыла не смыслят в марксизме. То же следует сказать и о критиках Г. Д. Е. Ж. З. Недалеко от них ушли критики И. К. Л. — эти гнусные эвклистики и эмпирики (более подробный анализ см. в моих статьях в №№ «Нового мира» за 1934 г.). Вульгарные социологи М. Н. О. П. Р. разоблачены и заменены мною в моих прежних статьях (смотри №№ «Нового мира» за первую половину 1935 г.) и я не буду останавливаться на них, так же, как и на критиках С. Т. У. — этих лжемарксистах, прозябавших в плену

абстрактных схем и идеалистических концепций. Развернутую критику этих «критиков» я дал в моих статьях в №№ «Нового мира» за первую половину 1934-1935 г. О критиках Ф. Х. П. Ч. и т. д. можно и не говорить. Общеизвестно, что эти лжемарксисты, претендующие на значимость, не более как помесь вульгарных социологов с эвклистикой и смыслит в диалектике, как некое домашнее животное в ананасе.

Подведем итоги. Итак, стало быть, я доказал, что у нас критики имеются, что эти критики: а) рапповские наследники, преобладающие и по силе зрения в плену; б) горе-диалектики, не смыслящие ни уха, ни рыла; в) гнусные эвклистики; г) гнусные эмпирики; д) наиболее гнусные вульгарные социологи; е) прозябавшие в плену; ж) помесь тех и других; з) прочие.

Все вышесказанное очень важно и значительно. Это общеизвестно. Поэтому я не ограничиваюсь длиной статей и в дальнейшем еще вернусь к авторам моих темат. (Смотри мои статьи в №№ «Нового мира» за 1934, 35 и 36 годы, а также в будущей и последующей за ними годах).

Зам. отв. редактора М. Г. ПЛИСКО.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 68-67 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрешневская бульвар, 11, тел. 4-88-16 и 5-81-89.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1937 г. на ЖУРНАЛЫ: ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ. Массовый научно-технический журнал «Изобретатель» освещает вопросы изобретательства во всех областях нашего народного хозяйства.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» Открыта подписка на 1937 г. на ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ: «КРАСНАЯ НОВЬ», «ОКТЯБРЬ», «ЗНАМЯ».

«КРАСНАЯ НОВЬ» Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 30 руб., на 6 м. — 15 руб., на 3 м. — 7 руб. 50 коп. Отдельный номер — 2 р. 50 коп.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» (русское издание) Ежемесячный литературно-художественный журнал, посвященный вопросам культуры и литературы, развития социалистической культуры в СССР, борьба с фашизмом, основные вопросы международного движения в защиту культуры — вот программа журнала. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 30 руб., на 6 м. — 15 руб., на 3 м. — 7 руб. 50 коп. Отдельный номер — 2 р. 50 коп.

«ОКТЯБРЬ» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 30 руб., на 6 м. — 15 руб., на 3 м. — 7 руб. 50 коп. Отдельный номер — 2 р. 50 коп.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» Единственный журнал на английском языке, посвященный вопросам культуры и литературы, развития социалистической культуры в СССР, борьба с фашизмом, основные вопросы международного движения в защиту культуры — вот программа журнала. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 34 руб., на 6 м. — 12 руб., на 3 м. — 6 руб. Отдельный номер — 2 руб.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 24 руб., на 6 м. — 12 руб., на 3 м. — 6 руб. Отдельный номер 2 руб.

«LA LITTÉRATURE INTERNATIONALE» Единственный журнал на французском языке, посвященный вопросам культуры и литературы, развития социалистической культуры в СССР, борьба с фашизмом, основные вопросы международного движения в защиту культуры — вот программа журнала. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 24 руб., на 6 м. — 12 руб., на 3 м. — 6 руб. Отдельный номер 2 руб.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» Двухнедельный критико-биографический иллюстрированный журнал, посвященный на сферах широкого состава читателей художественной литературы и работников библиотек. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 18 руб., на 6 м. — 9 руб., на 3 м. — 4 руб. 50 коп. Отдельный номер — 1 р. 50 коп.

«INTERNATIONALE LITERATURE» (Deutsche Blätter) Ежемесячный литературный журнал на немецком языке, печатает лучшие образцы советской и немецкой антифашистской литературы, освещает переломное литдвижение во всех странах, вопросы социалистической культуры в СССР и борьбу в защиту культуры на Западе и Востоке. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 24 руб., на 6 мес. — 12 руб., на 3 мес. — 6 руб. Отдельный номер — 2 руб.

«НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» Основатель журнала М. Горький. Единственный в СССР иллюстрированный ежемесячный журнал художественного очерка. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м. — 18 руб., на 6 м. — 7 руб. 50 коп., на 3 м. — 4 руб. 50 коп. Отдельный номер — 1 р. 50 к.

«РОМАН-ГАЗЕТА» Ежемесячный массовый журнал художественной литературы. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 8 руб., на 6 мес. — 4 руб., на 3 мес. — 1 руб. 50 коп. Отдельный номер — 2 р. 50 к.